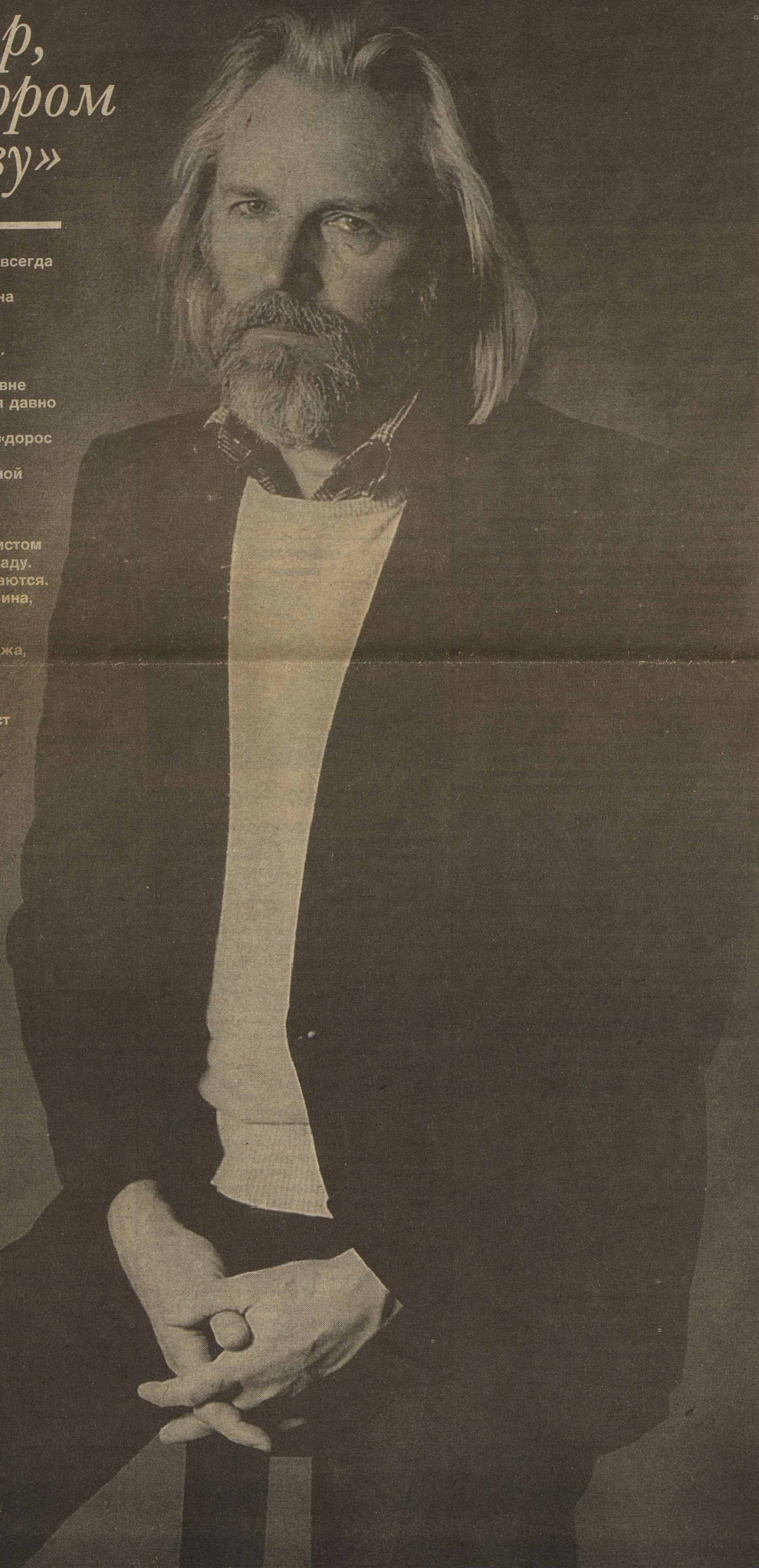

«Театр, в котором я живу»

Станислав Любшин говорит, что актеру всегда ровно столько лет, сколько он провел на сцене. Значит, в этом году ему исполнилось 35. Родился он в подмосковной деревне Владыкино, которая давно уже стала Москвой. Работал в колхозе, «дорос до самой высокой сельскохозяйственной должности — стал сторожем». Мы бродим со знаменитым артистом по Ботаническому саду. Прохожие оглядываются. Кто-то узнает Любшина, кого-то, наверное, привлекает облик чеховского персонажа, попавшего сюда, кажется, из прошлого века. В этих местах артист рос, и поэтому часто ответами на наши вопросы становятся воспоминания: «Раньше перед деревней Владыкино был большой вишневый сад. А потом его срубили современные лопахины, уже не страдающие от необходимости быть жестокими. Приезжаю сюда погулять, а на месте старого сада — дома, склады».

Валерий ПЛОТНИКОВ

ТЕХНИКУМ

— Когда я учился на первых курсах театрального, у меня уже была семья, ребенок. По ночам сварщиком работал. Утром приходил на занятия: на счет раз-два студенты глубоко вдыхали, на три-четыре задерживали дыхание, на пять-шесть нужно было выдохнуть. А я уже на счет «четыре» терял сознание — легкие были забиты.

До театрального окончил кислородно-сварочный техникум. Был членом комитета комсомола, отвечал за культурно-воспитательную и физкультурно-спортивную работу. Мне поручили организовать выпускной вечер, и я набрался смелости пригласить моего любимого артиста Сергея Яковлевича Лемешева. Пришел в Большой театр и, увидев своего кумира, позвал его в наш техникум. «Какой, какой техникум?» — переспросил певец. «Кислородно-сварочный. Но только имейте в виду, — добавил я, волнуясь, — профком может выделить на ваше выступление 13 рублей 50 копеек». — «Так много?» — удивился Лемешев. Затем посмотрел на афишу и сказал: «Юноша, я в этот вечер пою Ленского». И действительно в тот вечер он пел Ленского.

«СОВРЕМЕННОК»

По окончании Театрального училища имени Щепкина Любшина пригласили сразу 27 театров. Он выбрал «Современник».

— Возглавивший новый театр Олег Ефремов сумел собрать молодых актеров, которые через свои роли говорили о проблемах всей страны. А это прекрасно, когда со сцены люди говорят то, что думают. В театр пришли драматурги «новой волны» — Володин, Зак, Кузнецов. На сцене «Современника» шла неотредактированная жизнь. Я бесконечно благодарен Ефремову. Моя жизнь изменилась с тех пор, как еще учась в техникуме, я увидел во МХАТе «Трех сестер». Играть на этой сцене стало моей мечтой. И осуществить ее мне помог Олег Ефремов, с которым я работал сначала в «Современнике», а потом и по сей день во МХАТе.

Режиссер всегда втягивал артистов в очень быстрый ритм. Его спектакли задают вопрос не «Кто виноват?», а «Что делать?». Может быть, сейчас мы переживаем не лучшие времена, но верим, что наш театр — живой. Ефремов — широкий человек, ищущий. Он постоянно приглашал разных режиссеров — Додина, Гинкаса, Чхеидзе. На Новой сцене работают совсем молодые постановщики.

Но вернемся в начало 60-х. Тогда же вышли такие фильмы с участием Любшина, как «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были большими», знаменитая «Застава Ильича» Марлена Хуциева.

— Хуциев снял картину о целом поколении, ему удалось показать предысторию и даже какую-то несчастную перспективу шестидесятников. Он был честен в этой картине, как может быть честен лишь ребенок. Видимо, этого и не простил ему Хрущев. «Что это вы там снимаете про нашу жизнь, товарищ Хуциев?» — вопрошал Никита Сергеевич, обращаясь при этом к Данелии. После этой встречи с творческой интеллигенцией дружно стали бить самого, возможно, несильного человека нашего искусства. Но столько лет прошло, а в кино никто так и не сделал того, что удалось Хуциеву.

Те, кто открыл нам дорогу к свободе, сами же и опустили шлагбаум. Нас заставили молчать, но мы уже научились думать. И потому так задыхались. Прежде чем фильм или спектакль доходил до зрителя, его должны были утвердить 36 редакторов: каждый отработывал свою зарплату, настаивая на собственных поправках, не зная, что «посоветовал» другой. Шукшин говорил, что если всех 36 пройти, так измызгают, что и снимать не захочешь. Да ведь не было в тех картинах ничего «антисоветского», просто выражалась своя точка зрения. Но понимали «инстанции», что искусство способно воздействовать на человека, может даже совсем его изменить. Встречаешь сейчас этих редакторов на Мосфильме и думаешь: какая же бессмысленная была у них жизнь. Как саперы, они старались побольше заминировать, чтобы побольше взорвать.

(продолжение на стр. 4В)

Мойщик С.

14.07.93

88

(Окончание. Начало на стр. 1В.)

АКТЕР И РЕЖИССЕР

Любшин избегает говорить о себе, морщится от назойливых расспросов. Но с удовольствием рассказывает о партнерах и режиссерах, о тех тонких, неуловимых нитях, на которых держится психологический театр. Вспоминает Екатерину Васильеву, с которой играл в спектаклях «Любовь как тихий вечер», «Обвал», Анастасию Вертинскую, Нину Русланову, Аллу Демидову, Инну Чурикову, Марину Неелову, Маргариту Терехову, Алису Фрейндлих...

— Что касается режиссеров, я стараюсь с ними не спорить. Однажды на пробах развернул бурную дискуссию, в результате на роль взяли другого. Фильм, кстати, вышел неудачным, но после этого случая я стал предлагать собственные версии уже после проб, на съемках. Все же режиссура — это не диктатура.

Кино — это производство, куда приходят люди с разными школами. Задача режиссера — не просто объединить актеров, а предложить нечто цельное. Особенно это удавалось Никите Михалкову. Из разных актеров он создавал гармоничный ансамбль. И высшие актерские достижения получались именно у него: Александр Калягин, Юрий Богатырев, Елена Соловьева. Михалков не просто режиссер, он еще и педагог-селекционер, который вырабатывает в актерах их персонажей. Его киногруппа (Лебешев, Адабашьян) создала в свое время подлинное творческое объединение, я бы позволил себе сказать, направление в искусстве. Михалков работал, влюбляясь в актеров, полностью им доверяя и предоставляя каждому возможность проявить инициативу. Съемка шла в таком порядке: первый дубль я играю, как вижу роль сам, второй — как предлагает режиссер, третий — снова самостоятельно, четвертый — опять подчиняясь воле Михалкова. Потом режиссер спрашивал: «Ты можешь еще как-то сыграть? Нет? Спасибо. Съемка окончена». Большого уважения к актеру в своей жизни я не встречал. Какой дубль проходил? Да, кажется, его...

За работу в фильме Михалкова «Пять вечеров» Любшин получил во Франции премию за лучшую мужскую роль.

— Сейчас интересно работать с Василием Пичулом, у которого я снялся в картине «Мечты идиота» (по Ильфу и Петрову). Пичул распределил роли на первый взгляд самым парадоксальным образом: актеры раскрываются с совершенно неожиданных сторон. Бендера играет певец Сергей Крылов, я — Паниковского.

ВСТРЕЧА С ЭФРОСОМ

— Первый раз я увидел Анатолия Васильевича на репетициях «Ромео и Джульетты» в Центральном детском театре. Даже мне, постороннему человеку, приехавшему со съез-

ПОРТРЕТ

«Театр, в котором я живу»

мок, казалось: выйди я на сцену, тоже могу сыграть у него этюд. Потом я видел его спектакли в Ленкоме. Это был уже другой метод работы. Я всегда поражался, как своими этюдами он добивался фантастической свободы. Никогда не забуду его спектакль «Неравный бой» по пьесе Розова. Двое молодых людей гуляют всю ночь до рассвета и никак не могут расстаться. Тишина такая, что сердце из груди выпрыгивает. Но тут распахиваются окна — и на влюбленных обрушиваются с бранью...

Помню, я прилетел со съемок фильма «Ксения, любимая жена Федора». Сажу в 5 утра на кухне, ем гречневую кашу, на столе лежит «Литературка». Вдруг я наталкиваюсь на рецензию о фильме «Моя жизнь» по повести Чехова, читаю и поражаюсь, как тонко разбирает автор картину, мою работу. Мне так хорошо стало. Что же это за критик, думаю, и вижу в конце статьи, что это Эфрос. Через несколько лет мы с ним случайно увиделись в ВТО, и он сказал: «Давайте сделаем с вами что-нибудь». В это время Эфрос уже работал в Театре на Малой Бронной. Так я появился в спектакле «Веранда в лесу».

ШУКШИН

— Долгое время у меня не было режиссеров. Репетировал, играл сам по себе. Когда человек одинок и в него никто не верит, он должен сам заниматься. Спектакль по пьесе Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», может быть, единственный случай, когда режиссер Владимир Андреев предоставил мне неограниченную свободу. Вместе с тем я не чувствовал себя одиноким. Такое редко бывает и в театре, и в кино.

Когда состоялась премьера пьесы Вампилова, Шукшин лежал в больнице. А вышел — захотел посмотреть спектакль, о котором слышал много хорошего. Шукшин был очень дорогим для меня человеком, почти Богом, я боялся, вдруг спектакль не получится. Во время войны бабушка мне говорила: «Слава, давай помолимся, и немцы в Москву не войдут». И мы вставали на колени. Зная, что в зале сидит Шукшин, я просил Бога помочь мне и перед выходом на сцену осенить себя крестом. И такой хороший получился спектакль! Все уже разошлись, а Шукшин продолжал хлопать. Так им он и остался у меня в памяти. Когда зашла речь об экранизации одного из его про-

изведений, он возразил: «Сними сначала «Чулимск». Это лучше, чем у меня». Какой еще писатель так о другом скажет!

МУЗЫКА ТВОРЧЕСТВА

— Я никогда не знаю заранее, что у меня выйдет и выйдет ли вообще. У меня нет специальных приемов, которые позволяли бы понять, как все это делается. Этим и отличается школа классического МХАТа, традиции которого продолжает Олег Ефремов. Это театр, стремящийся передать жизнь человеческого духа, театр, о котором мечтал Станиславский. Когда готовишься к роли, важно первое впечатление о ней. Оно бывает очень сильным, как первое впечатление от женщины (хотя часто оказывается обманчивым). Когда такого яркого впечатления не возникает, я мысленно возвращаюсь в детство: оно подарило мне очень много счастливых, прекрасных, но и трагических минут. Вспоминаешь людей из детства, и многое тебе становится понятным. Когда снимался в фильме «Не стреляйте в белых лебедей», очень часто обращался к детству.

Сейчас я занят в картине, где должен говорить по-английски. Мой герой — книгоиздатель, очень жестокий человек, этакая империалистическая акула. После съемок фильм повезут в Грецию озвучивать. С языком мне сложно. Я даже во сне говорю с Янковским по-английски, и так хорошо получается. Это во сне.

Мой самый строгий критик — теща. Когда она посмотрела наш дипломный спектакль «Оптимистическая трагедия» (я Сипило играл), спросила: «Вам только сумасшедших и дают играть?» Приглашая ее на мои новые фильмы, я слышу примерно следующее: «Вас в конце опять убьют? Нет? Тогда не пойду».

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

— Сейчас появился новый вид цензуры — денежная. Делай что хочешь, были бы деньги. Очень хотелось бы снять фильм по Чехову. Моей мечтой всегда было сыграть Войничского в «Дяде Ване». «Почему ты не сыграл его?» — спросил меня в Венгрии один английский актер. Я ему назвал свои чеховские работы — «Моя жизнь», «Степь», «Три года» (я снимал этот фильм), «Черный монах», «Иванов». Но в «Дяде Ване» Олег Ефремов меня не увидел. А я никогда не позволял себе обижаться.

Во МХАТе от роли психиатра в «Эквусе» я перехожу к юрдовому. Ефремов готовит «Годунова», и у нас почему-то решили, что лучший сумасшедший в театре — это я.

На сцене много интересного сейчас открывается. Как говорил мой герой из пьесы Володина: «У меня в 17 лет все было впереди, и сейчас все впереди». И я считаю, что у меня все еще впереди.

Ирина КОРНЕЕВА,
Ольга ФУКС